

тыми и бедными» считают источником богатства труд бедняков: «Ведь благодаря нам вы пользуетесь благами в этом мире. . .» (205.14—15). Николай Кавасила считает, что богатство возникает вследствие взимания высокого процента (Рост., 732 D, 733 C, 740 A).

Но, относясь негативно к богатству как проявлению алчности и стяжательства, византийские авторы в то же время поощряют разумное его использование: «богатством нельзя называть то, что не кормит бедного» (Разг., 205.7—8). Григорий Палама говорит, что добродетельные богачи достойны спасения. Толкуя библейский сюжет об Аврааме, он отмечает, что господь «не называет его богатым, потому что имел нечто лучшее, чем богатство, — добродетель, так как всем оказывал любовь отеческую и душевное расположение» (Три тв., 33). Палама комментирует: «Авраам был богат, но через боголюбие, сострадание и странноприимство не только сам получил спасение, но сделался и местом спасаемых» (Три тв., 33). Смысл этой проповеди сводится к следующему: «Пусть имеющий излишнее подает неимущим, через это включая себя в сонм спасаемых отца Авраама» (Три тв., 41). К милосердному обладателю богатств византийская литература благосклонна: «Дающий превосходит берущего» (τοῦ δαμνῶντος ὁ δίδους χρείττων), «дающий человек получает почет и считается справедливым» (Разг., 208.27—28). Но, чтобы дать, надо иметь. В сочинениях этого времени основным является не отрицание богатства, а примирительная формула: «имейте, если даете», согласующаяся с евангельским выводом: «приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители»¹². Толкуя это место из Евангелия от Луки, Григорий Палама называет «неправедным богатством избыток употребления и неподаяние нуждающимся» (Три тв., 30).

Можно заметить, что оценка богатства в византийской литературе сводится в конечном счете не к социальной, а к этической основе: «Богатство скудно, ибо оно разрушающе действует на добро» (Разг., 213.30).

Признавая существование в мире богатства, византийские авторы и не стремятся выступить против него. Их помыслы направлены на то, чтобы освободить душу человека от зависимости перед богатством. Если человек богат, но мысли его праведны, то он принадлежит к тем «нищим духом», кому уготовано царство небесное¹³. Алексей Макремовит считает, что в душе человека должен быть «Христос вместо золота» (Разг., 211.25). Оказывается, что только духовным вообще жить нельзя, ибо, по словам Христа, «за верховным неизбежно следует земное, как за телом следует тень» (Разг., 211.29—30).

Не ставя под сомнение правомерность существования собственности богатства, византийская литература одновременно ссылается на установленные божественным правом равные для всех людей основания пользоваться продуктами, порождаемыми землей: земля — «общая для всех мать»; «она дана в общее пользование и [даже] неразумные существа не исключаются природой из получения части» (Разг., 203.7; 204.9—11). Однако здесь не следует усматривать проявление попыток установить идеальное равенство. Эта идея обращена не в будущее. Она представляет собой скорее апелляцию к «старым, добрым временам» раннехристианских общин.

Говоря о накоплении собственности, византийские авторы часто имели в виду деньги (τὸ ἀργύριον. — Рост., 733 C; 748 B; τὰ χρῆματα. — Разг., 207.1). «Звон золота» (ψόφον τοῦ χρυσοῦ. — Разг., 214.25) — неременный признак богатства. Осуждаемые Николаем Кавасилой богатства ростовщика — это «запасы серебра» (Рост., 733 B). Накопительная функция денег получила отрицательную оценку в византийской литературе по аналогии с другими видами богатства. Правда, в отличие от других

¹² Лука, 6.9.
¹³ Матф., 5.3.